

Вайсберг-Цыбульский ¹⁾

РОССИЯ В ГОРНИЛЕ ЧИСТОК

(Отрывки из книги)

Австрийский физик А. Вайсберг, отрывки из книги которого публикуются ниже, был одним из многих иностранных специалистов, привлеченных в 20—30-е годы в СССР идеалами молодого Советского государства, желанием помочь ему, приехавших по призыву Коминтерна или в поисках работы. Они были заняты во многих отраслях промышленности, строительстве, работали и в научных организациях. В этот же период многие из известных сейчас советских специалистов и ученых, в том числе и физики, смогли пройти стажировку за рубежом.

Расширение исследований в области физики сдерживалось малочисленностью ученых, инженеров и слабостью экспериментальной базы. В 1933 г. в шести основных физических (включая оптику) институтах страны, сосредоточенных в системе Наркомтяжпрома, работало 1523 сотрудника (в том числе научных — 507, ИТР, лаборантов — 212), из которых только 426 имели высшее образование [1]. Сказывалось и слабое по сравнению, например, с химией, математикой развитие физики в дореволюционной России. Поэтому в 30-е годы при поддержке ВСНХ и Наркомтяжпрома во вновь создаваемый УФТИ были приглашены зарубежные ученые и специалисты. Это сотрудничество прервалось в 1937—1938 гг., когда были арестованы А. Вайсберг, Ф. Хоутерманс, Л. В. Шубников, И. В. Обреимов и другие ученые, работавшие в УФТИ.

Спектр обвинений, предъявленных А. Вайсбергу, менялся от шпионажа и саботажа до подготовки убийства Сталина и Ворошилова. В сообщении официальных лиц посольству Австрии в СССР А. Вайсберг обвинялся в шпионской деятельности в пользу Германии и участии в подготовке вооруженного восстания на Украине.

Пройдя через все этапы следствия, включая небезизвестный сейчас «большой конвейер», он пишет, что был вынужден согласиться с какими-то из обвинений, но затем нашел в себе силы отказаться от них. Возможно, что именно это, а также протесты зарубежных ученых помогли ему сохранить жизнь.

В конце 1939 г. решением Особого совещания (ОСО) А. Вайсберг был признан нежелательным для СССР элементом. 5 января 1940 г. на мосту через Буг в Брест-Литовске он с группой коммунистов, антифашистских беженцев и других иностранцев был передан офицерами НКВД офицерам гестапо [2].

Книга А. Вайсберга «Россия в горниле чисток» посвящена периоду 1937—1940 гг. Описывая ход следствия, он вспоминает о различных эпизодах из жизни УФТИ, рассказывает о советских и зарубежных физиках, о многих людях, с которыми он встречался в этот период или раньше. Отбирая из 716 страниц книги эпизоды, связанные с А. И. Лейпуиским, мы старались

сохранить ее структуру и дать представление о ходе событий. Не со всем, о чем пишет А. Вайсберг, можно согласиться. Понимая, что и он и другие стали жертвами общегосударственного процесса, Вайсберг пытается понять, кто был инициатором «дела УФТИ». И в этих предположениях, как нам представляется, бывает не всегда справедлив. Но основные факты публикуемых здесь отрывков подтверждаются теми немногочисленными документами, которые мы смогли разыскать. Так как документы УФТИ за 30-е годы утрачены, не удалось дать в примечаниях достаточно подробные сведения об упоминаемых лицах и их дальнейшей судьбе.

Сейчас стало известно, что арестованные в 1937—1938 гг. Шубников Л. В., Горский В. С., Розенкевич Л. В., Комаров П. Н., Николаевский, Гусак И. М. и др. погибли в заключении.

Книга А. Вайсберга издана в нескольких странах, отрывки из нее на русском языке публикуются впервые.

¹⁾ *Бухарин Н. И.* Научно-техническое обслуживание промышленности (краткий обзор) // Научно-техническое обслуживание промышленности. Сб. НИСа и Техпропа НКТП к XVII съезду ВКП (б).— М.— Л. : Изд. НКТП, 1934.— С. 9-10.

²⁾ *Weissberg A.* Hexensabbat. Russland im Schmelzetiegel der Sauberungen.— Frankfurt am Main. 1951.— S. 6, 17.

[Из предисловия] ¹⁾

...Моим первым впечатлением от Алекса Вайсберга²⁾ было, что это жизнерадостный преуспевающий коммерсант с круглым лицом, уравновешенными движениями, большой охотник рассказывать анекдоты и большой любитель сладостей. Вначале я не мог понять, что уж такого замечательного нашла в его характере Э.³⁾ пока не пришли другие гости и не начались обсуждения, споры об отдельных тонкостях марксистской теории. Его взгляд вдруг стал острым и пронизательным, юмор исчез, и он сделал из меня «диалектическую котлету». Он умел ясно, четко и безжалостно излагать свои аргументы, и, не удовлетворяясь тем, что избил противника, не отставал до тех пор, пока не изматывал его полностью.

В то время по убеждениям я уже был коммунистом и принял важное для себя решение сделать окончательный шаг — вступить в партию. Мы несколько раз встречались в Берлине. Затем он уехал, и Э. несколько позже последовала за ним в Харьков, где они поженились. Мы переписывались от случая к случаю. Годом позже из-за принадлежности к партии я потерял работу и решил эмигрировать в Советский Союз. Моим первым и последним прибежищем в этой стране был Харьков, где я жил у Вайсбергов. Недалеко от института у них была маленькая, но по русским понятиям роскошная квартира...

Во время пребывания у Алекса и Э. я познакомился со многими учеными, о которых идет речь в этой книге, в том числе и с Лейпунским, который руководил отделом расщепления ядра, и с Ландау, вундеркиндом русской физики⁴⁾. Сейчас оба, вероятно, играют ведущую роль в создании русской атомной бомбы. Я вспоминаю о продолжительной дискуссии с Ландау, который с большой убежденностью доказывал, что все философские произведения, начиная с начала мира и до Маркса, не стоят бумаги, на которой они написаны. Иногда мы играли в покер с профессором Шубниковым, симпатичным, немного важным ученым⁵⁾... Нашими соседями и ближайшими друзьями были Мартин и Барбара Руэман⁶⁾... Каждый из этой привлекательной группы ученых, имевших обыкновение собираться после обеда вместе, чтобы поиграть в карты или попить чаю, после ареста Алекса выступал с обви-

нениями против него. Они не были ни трусами, ни не порядочными людьми, но у них был только один выбор: или повиноваться, или разделить судьбу Алекса. Однако, несмотря на это, почти все они, включая Ландау, Лейпунского и Шубникова, позже, в период чистки, были арестованы и вынуждены подписать обычные фантастические признания. Позже примерно половина из них была освобождена и после окончания чистки в 1939 г. вернулась к прежней работе...

Май 1951 г. Артур Кёстлер ⁷⁾

... Было воскресенье, 25 января 1937 г. Я радовался отдыху после утомительной поездки. Вдруг зазвонил телефон. Незнакомый голос сказал: «Не повторяйте за мной ни одного слова. Это говорит НКВД. Приходите к нам, пожалуйста, в 11 часов, спросите внизу комнату 222, пропуск для Вас будет готов». Когда я клал трубку, моя рука дрожала. После конфликта в институте и, особенно, после ареста моей жены я чувствовал, что кольцо вокруг меня сжимается ...⁸⁾

Комната 222 находилась на втором этаже. Я постучал и услышал: «Войдите». Открыв дверь, я увидел продолговатую комнату, у окна стоял письменный стол и несколько стульев, шкаф для бумаг — и это была вся обстановка.

За столом спиной к окну сидел человек в гражданском. Кратко и неприветливо он предложил мне сесть ... Позже, после моего ареста, он в течение двух месяцев был моим следователем. Звали его Полевецкий. Теперь, оглядываясь назад, должен сказать, что среди людей этого дела он был одним из самых порядочных. Но тогда, в первых разговорах с ним, когда я был еще на свободе, думалось, что я заглянул в ад.

Беседа началась:

— Уже вернулись из поездки?

— Позавчера.

— Что Вы делали в Москве?

— Выполнял задания института в Наркомтяжпроме (Народном комиссариате тяжелой промышленности).

— А в Ленинграде?

— Я заказал там электромоторы и кабели для строительства.

— Это все, что Вы там делали?

— Нет, у меня были и личные дела.

— Такие общие ответы не годятся в этих обстоятельствах. Вы должны привыкнуть к тому, что нам надо сообщать более подробные сведения. Что Вы делали в Москве и Ленинграде?

— Я обратился в военную прокуратуру и органы НКВД по поводу защиты моей бывшей жены.

— Ваша жена арестована как враг народа, она обвиняется в государственной измене, а Вы защищаете ее, следовательно, Вы поддерживаете врагов народа?

— Я убежден, что она не виновна.

— То есть Вы утверждаете, что мы арестовываем невиновных?

— Я этого не утверждаю, но знаю, что именно в этом случае допущена ошибка и хочу помочь органам НКВД найти истину.

— Нам не нужна Ваша помощь, следствие само выяснит правду. По сегодня мы не будем заниматься Вашей женой, нас интересует Вы сами. Расскажите свою биографию... Есть ли у Вас друзья или знакомые, которые подвергались бы репрессиям со стороны Советской власти?

— Я уже говорил Вам, что моя бывшая жена арестована.

— Кроме нее?

- Я не знаю, кого Вы имеете в виду под друзьями.
- Людей, которых Вы хорошо знаете и с которыми поддерживаете отношения.
- Я знаю очень многих людей в Советском Союзе...
- Назовите тех, кого Вы знаете.
- Пятаков, Бухарин, Ратайчак, Пушкин, Норкин и другие. Но я не могу назвать всех, с кем был связан по службе...
- Мы требуем исчерпывающих показаний о подрывной работе, которую Вы вели в Советском Союзе...
- Я не контрреволюционер, а просто человек, который приехал сюда, чтобы с полной отдачей сил работать для социалистического строительства...
- Вы враг народа, страны и правительства. Вы ведете подпольную работу по заданию какого-то враждебного иностранного государства.
- Я потерял самообладание и вскочил:
- Вы не должны так со мной разговаривать... Вы можете меня схватить, но пока я свободный человек, я никому не позволю так со мной разговаривать.
- Теперь закричал он:
- Попридержите язык, если здесь кто-то и может повышать голос, то это я. Вы забыли, где находитесь.
- Он сел, взял лист бумаги и спросил:
- С кем из N-аппарата Вы поддерживали связь?
- Я не знал тогда, что такое «N-аппарат», не знаю этого и до сих пор...
- Александр Семенович, так дальше не пойдет. Мы еще не решили, что с Вами делать. Вы видите, Вас еще не арестовали. Если бы у нас были какие-либо сомнения в Вашей вине, мы бы Вас сюда не пригласили, а предпочли бы продолжить наблюдение за Вами.
- Мне нечего сказать.
- Или Вы перейдете на нашу сторону, или будете кормить белых медведей.
- Я не понял точно, что он имел в виду...
- Я хочу дать Вам еще один шанс. Обдумайте это дело и приходите послезавтра. Думаю, двух дней для размышления Вам хватит, Вы согласитесь с нашими требованиями и будете с нами сотрудничать...
- В 11 часов я снова должен был быть у Полевецкого. Время тянулось бесконечно. Мое беспокойство росло. На несколько минут я зашел в лабораторию Лейпунского. Сам Лейпунский редко работал в лаборатории весь день, обязанности директора отнимали у него очень много времени. В лаборатории был Хоутерманс, он проводил измерения⁹⁾... Счетчик космического излучения неравномерно тикал. Удивительно, но это немного успокоило меня. Хоутерманс рассказал о разных новостях из актуальных проблем физики. Говорил он всегда очень забавно, и у него получалось так, как будто открытие законов природы — сущий пустяк. Возникало ощущение, что физики Земли создали из интересных людей небольшую семью и занимаются разгадыванием мировых загадок в свое удовольствие... Около 11 часов я вышел из лаборатории и пошел в ГПУ. Пришел я слишком рано.
- Садитесь, Александр Семенович, и пишите. Надеюсь, мы сегодня закончим.
- Мне нечего писать, гражданин следователь.
- Пишите признание, уже пора одуматься.
- Мне не в чем признаваться, гражданин следователь.
- Вы что, сошли с ума? Вы действительно считаете, что против нас Вы имеете какие-то права?
- Гражданин следователь, я не имею ничего общего со всем этим.
- Вы прибыли в нашу страну по заданию иностранной державы, вели

здесь подпольную работу против нашего правительства и создали сеть вражеских агентов. Вы, вероятно, думали, что Вас не обнаружат, но мы наблюдаем за Вами с того самого дня, когда Вы впервые пересекли нашу границу. Нами полностью установлена Ваша подрывная деятельность и теперь у нас достаточно улик. Мы требуем, чтобы Вы разоружились перед Советской властью, раскрыли сеть своих агентов и чтобы, наконец, Вы порвали с врагом. Мы требуем от Вас полного подчинения.

— Все, что Вы сказали, абсурд. Ничем подобным я не занимался.

— Кто Вас завербовал?

— Никто...

— Гражданин обвиняемый, начальник не согласился на Ваш немедленный арест. Он дает Вам еще 48 часов на размышления. Сообщите нам о Вашем решении в воскресенье.

Он вызвал солдата и подписал пропуск...

Я покинул здание ГПУ в полной панике. На этот раз вновь обретенная свобода не принесла облегчения.

Я думал только об одном, что мне теперь делать, как вырваться из сетей, которые вокруг меня стягивались? Или не стоит ничего предпринимать и идти навстречу своей судьбе? Ведь я еще на свободе и могу апеллировать к партии, к высоким инстанциям в Москве. Ведь я же не виновен. В 1935 г. у меня тоже сложилась тяжелая ситуация, когда Д. захватил власть в институте и объявил меня руководителем антисоветской группы¹⁰. Тогда мы боролись и победили. Я ездил в Москву в ЦК, Д. был смещен, Лейпунский отозван из Англии и назначен директором института.

Но сейчас ситуация была иной. Теперь по распоряжению сверху недоверие рассматривалось как «революционная бдительность», теперь большие процессы ежедневно бросали тысячи людей в тюрьму. Я не обманывал себя. Пятаков, Муралов, Бухарин, Каменев, Зиновьев не были иностранными агентами и все-таки они уничтожены. Почему со мной должны поступить иначе?

В эту ночь я не смог заснуть, думал о том, что можно сделать... Хотя я был глубоко разочарован ходом развития революции и давно потерял свою юношескую веру в партию, мне казалось невозможным просить защиты у посольства. Для меня это было бы моральным самоубийством, мысль об этом, мимолетно приходившая в голову, приводила меня в ужас. Но я еще мог бы поехать в Москву и поговорить обо всем этом деле с другом из Комиссии партийного контроля. Это справедливый и очень влиятельный человек. И хотя я дал подписку, но Комиссия партийного контроля — наивысший партийный орган в стране, и ему можно было бы обо всем рассказать. Кто иначе может мне помочь? Может быть нужно посоветоваться с Лейпунским? Он испугается, но он мне поможет.

Под утро я принял решение — буду говорить с Сашей Лейпунским. Я должен раскрыть тайну, даже если это будет иметь для меня тяжелые последствия. Я не чувствую себя обязанным хранить ее из-за подписки, которую меня вынудили дать. И может так статься, что обращение к общественности, даже очень ограниченной, поможет мне.

С утра у Лейпунского были дела в институте. Я позвонил на строительную площадку, сообщил, что сегодня не приду. В обеденный перерыв я отыскал директора на его квартире. Стало немного легче па сердце, когда я с ним встретился.

А. И. Лейпунский был одним из тех редких людей, которые сразу же располагали к себе. От него исходило какое-то обаяние, которому невозможно было не поддаться. В то время ему было 33 года. Среднего роста, русский, со светлыми глазами и открытым, приветливым лицом уже внешне он

располагал к себе. Он был крепко сложен, чувствовалось его полупролетарское прошлое. Лейпунский был одним из самых одаренных среди молодых ученых Советского Союза. Он стоял между двумя поколениями. Все ведущие физики страны происходили из старой царской интеллигенции. Но они честно перешли на сторону Советов и работали, в общем, с полной отдачей над задачами, поставленными перед ними правительством. И все же партия не причисляла их к «своим людям». Партия решила создать пролетарскую интеллигенцию и ей передоверить руководство культурной и научной жизнью страны. Ежегодно в научные институты направляли аспирантов из промышленных рабочих. Они учились на рабфаке, затем — в институте и теперь перед ними ставилась задача — овладеть оружием ученого. Нельзя сказать, что для этой цели всегда отбирали самых одаренных людей. Партия полагала, что если в массовом порядке посылать юных пролетариев в ВУЗы и научно-исследовательские институты, то со временем и среди них разовьются настоящие таланты. Пока же прошло слишком мало времени. Все еще не было пролетарских физиков широкого масштаба, способных хотя бы в малейшей степени помериться силами со старыми буржуазными учеными. Лейпунский стоял между двумя этими группами. Он относился к молодому поколению, окончившему школу уже в советское время, но он был физиком большого масштаба с такой интеллектуальной дальновидностью, какой еще не знала новая советская молодежь. И по классовой принадлежности он относился к прослойке. Отец его был ремесленником, занятым в дорожном строительстве. Сам Лейпунский в молодости три года проработал в провинции на фабрике, одновременно готовясь в ВУЗ, вступил в комсомол и в партию; работал в Физическом институте в Ленинграде, которым руководил профессор Иоффе ¹¹. В 1929 г. украинское правительство решило создать Физический институт в Харькове. Физиков пригласили из Ленинграда, старшего центра русской науки. Директором был назначен ученый старой школы Иван Васильевич Обреимов ¹². Молодой коммунист Лейпунский был при нем в роли «красного директора». Незаметно руководство института перешло к Лейпунскому. Ему было 26 лет, но все признавали его авторитет. Он легко, почти весело, справлялся с административными делами. Он децентрализовал все, что мог. Он доверял людям, и это придавало им уверенность и в своих глазах, и в делах, в результате повышалась производительность их труда. Ничего от бюрократа в нем не чувствовалось. В то первое время существования института весь административный аппарат состоял из нескольких служащих, которые принимали указания от всех ведущих ученых института, не заботясь об иерархии.

В жизни Лейпунский был образцово скромным. В 1931 г. мы ездили с ним в Москву в наркомат, чтобы получить разрешение на создание физического журнала. Я приехал в Советский Союз лишь несколько недель назад, но мы хорошо понимали друг друга. В то время жалование коммунистов ограничивалось постановлением о так называемом партмаксимуме. Коммунист мог получать не более 280 руб. в месяц. С учетом цен того времени это были небольшие деньги. Перед отъездом в Москву, заметив, что носки ботинок Лейпунского здорово прохудились, я сказал: «Александр Ильич, в таком виде нельзя ехать в Москву к наркому. В конце концов Вы все-таки директор». Он ответил: «У меня нет других, а ботинки стоят очень дорого, мне еще послужат и эти. У нас летом никогда не бывает дождей».

Лейпунский и по духу находился между двумя поколениями. Он был одинаково далек как от рафинированного интеллектуализма старой школы, так и от примитивности новой советской интеллигенции. Он был молчалив, но напряженность его внутренней жизни была такова, что сразу чувствовалось — он воспринимает и обдумывает каждое произнесенное слово. В раз-

говор он вставлял лишь редкие краткие замечания, но после беседы с ним казалось, что это была оживленная дискуссия.

Мы сердечно поприветствовали друг друга.

— Что у Вас Алекс? Что-нибудь не в порядке?

— Вполне можно сказать, что совсем не в порядке. В органах убеждены, что я — иностранный агент.

— О господи, как Вам в голову пришла такая мысль?

— Александр Ильич, я вынужден рассказать Вам обо всем, о чем, собственно, обязан молчать. Но я в отчаянии, может быть Вы сможете мне помочь. В воскресенье меня вызывали в ГПУ¹³⁾. Сначала потребовали рассказать биографию, потом объявили, что я — иностранный агент, который занимается подрывной деятельностью... С тех пор я уже три раза был у них. Они требуют, чтобы я признал свою вину, угрожают арестом, но не говорят, в чем конкретно меня обвиняют. Я вынужден был дать подписку, что буду молчать, но я не могу этого вынести и решил поговорить с Вами.

Я рассказал ему очень точно обо всех подробностях допросов. Он слушал внимательно и озабоченно, затем сказал:

— Ничего хорошего, ничего хорошего, раз они Вас вызывали. Ничего хорошего.

— Что мне делать, Александр Ильич? Я не могу доказать свою невиновность, так как мне не говорят, в чем моя вина. В моем прошлом нет ни одного темного пятна. Эти люди как будто бы знают об этом. Как же тогда они могут думать, что я стал врагом страны? Человек не будет отдаваться работе с такой страстью, если внутренне он враг. Страна дала мне все. Положения, которое я занимаю сейчас, молодой инженер в капиталистической стране не смог бы достичь так быстро. Зачем же мне становиться врагом?

Александр Ильич молчал, его лицо выражало беспокойство. Его левая бровь была приподнята, и, когда он обдумывал что-то, это впечатление усиливалось. Он смотрел в пол, и чувствовалось, что он искал выход.

— Александр Ильич, если бы Вы знали, как они со мной разговаривали и что это за люди. Я думал, что в органах работают лучшие революционеры, но то, с чем я столкнулся — это чистейшая инквизиция. Я говорил как со стеной, они не слышали то, что я говорил, они не поверили мне и не поверят никогда. Никому не доверять — это их профессия. Впечатление, что перед тобой сидят не товарищи по партии, а самое черное средневековье.

Тяжелое напряжение последних дней спало, слезы выступили у меня на глазах. Я смотрел на Сашу Лейпунского, который был на несколько лет моложе меня, так, как будто бы мое спасение зависело только от него одного. В этот момент постучали в двери и вошел П. ... Он принес директору несколько документов на подпись. Он посмотрел на меня немного удивленно, заметив, по-видимому, мое возбужденное состояние. Лейпунский подписал документы, П. ушел. Саша думал еще несколько минут, потом обратился ко мне:

— Зачем Вы рассказали мне обо всем этом, Алекс? Как я могу Вам помочь?

— Не знаю, Саша. Но один я не мог дальше переносить это. Теперь у меня легче на сердце.

— Но я должен об этом сообщить.

— Вы действительно должны это сделать? Ведь никто никогда не узнает, что мы говорили об этом.

— П. видел Вас у меня и заметил, что Вы взволнованны.

— П. наверняка не доносчик. Он очень порядочен и слитком прост, чтобы сделать какие-то выводы.

Саша слегка улыбнулся:

— Вы очень наивны, Алекс, несмотря на весь Вага опыт. Но не будем больше говорить об этом. Что Вы хотите, чтобы я для Вас сделал?

— Я не знаю, что Вы можете.

— Скажите мне, что Вы хотите, Алекс, каковы Ваши планы? Хотите ли Вы остаться у нас?

— Не думаю, что это возможно. После всего я уже не смогу здесь спокойно работать. Мне хотелось бы уехать, но я не могу бежать. Хотелось бы открепиться от партии, Коминтерна и выехать за границу, но обо всем этом не может быть и речи. Вероятно, уже завтра они меня арестуют.

— Алекс, я должен сообщить об этом деле.

Я испугался и несколько минут обдумывал положение. Какое-то время мы оба молчали, затем я сказал:

— Александр Ильич, сделайте это, но только завтра. Сегодня я хочу написать в ГПУ и сообщить им, что я просто не смог вынести и обо всем рассказал Вам. Думаю, так будет лучше.

— Да, может быть так будет лучше.

Он встал, подошел к окну. Какое-то время мы оба молчали. Затем он повернулся и сказал:

— Я постараюсь что-нибудь сделать для Вас. Я поговорю с Мазо. Это хороший и благоразумный человек.

Мазо был начальником ГПУ Харьковской области, следовательно, в то время, когда руководство государственным аппаратом все больше переходило из рук партии и Советов в руки ГПУ, это был самый могущественный человек в Харькове и Харьковской области. Мои следователи были его подчиненными и трепетали перед ним. Он один мог решить мое дело. Лейпунский был членом горкома партии, директором одного из ведущих институтов страны, членом Украинской Академии наук и одним из немногих естествоиспытателей, вступивших в партию. К тому же личное обаяние притягивало к нему сердца людей. Я снова начал надеяться.

— Когда Вы хотите поговорить с Мазо?

— Не знаю, когда он сможет принять меня. Я запишусь на прием еще сегодня. Но, Алекс, я не смогу рассказать Вам то, что он мне скажет.

— А если они завтра меня арестуют?

Саша подошел и положил мне руку на плечо:

— Алекс, будет трудно, но Вы даже в тюрьме должны доказать, что Вы настоящий коммунист. Иногда необходимо отстаивать себя не только перед врагом, но и перед собственным государством.

— Не окажусь ли я слишком слабым? Вопрос не в том — виновен или невиновен. Это вопрос и физической конституции.

— Я надеюсь, Вы будете достаточно сильны, Алекс.

Он протянул мне руку. Я посмотрел на него и мне захотелось его обнять. Но я только пожал его руку и вышел.

Разговор с Сашей вновь придал мне смелости. Я написал письмо Полевецкому, вызвал машину и поехал на стройплощадку. Здесь царил большое возбуждение. Завтра должна была приехать московская комиссия из Народного комиссариата тяжелой промышленности для проверки результатов нашей работы. Хотя я передал руководство Комарову, но все ещё отвечал за проект, строительство и монтаж¹⁴). Когда я сообщил ему, что завтра меня не будет, он пришел в отчаяние. Подумав немного, я решил позвонить Полевецкому и попросить его об отсрочке следующего допроса. Я попросил Комарова выйти из комнаты. Он посмотрел на меня удивленно, хотя как достаточно опытный советский человек уже успел заметить, что со мной что-то происходит и до него кое-что дошло. Не сказав ни слова, он сразу же вышел. Тут же я позвонил Полевецкому:

— Товарищ Полевецкий, завтра приезжает правительственная комиссия для проверки строительства Опытной станции, мое отсутствие может броситься в глаза. Нельзя ли прийти к Вам позже?

— Подождите минутку у телефона, я должен посмотреть, когда у меня будет время для Вас, — и после небольшой паузы, — приходите в понедельник, в 10 часов утра.

— Я буду. Поймите, мне было бы трудно объяснить свое отсутствие.

— Конечно, это понятно. Важно, чтобы о наших беседах никто ничего не звал.

Я вздохнул. До понедельника! Три свободных дня! И тон Полевецкого был таким деловым и почти дружелюбным. Он даже узнал о моей работе и ее необходимости. Меня только немного беспокоило его требование держать все в тайне, и это после разговора с Сашей. Я перекинулся несколькими словами с Комаровым и поехал домой... Невыносимое давление последних дней исчезло. Я снова обрел надежду и способность совершать осмысленные действия... Я лег и взял книгу. Мне удалось полностью отключиться от дел и заснуть. Проснулся я под вечер и сразу же стал вспоминать разговор с Сашей. Только теперь мне стало ясно, сколько надежд я возлагал на его ходатайство перед Мазо. Возможно, Мазо примет его уже завтра, и мой следователь получит в понедельник другие указания...

В понедельник я снова стоял перед следователем. На этот раз в проходной пропуска не было. Я позвонил Полевецкому и он дал указание меня пропустить. Он принял меня красный как рак:

— Что это Вам пришло в голову? Вы вздумали играть с огнем? Кто Вам разрешил посвящать в эти дела Лейпунского? Вы, видимо, не понимаете, с кем имеете дело...

Он угрожал еще какое-то время, затем сел и начал более спокойным тоном:

— Я не могу больше тратить на Вас время, обвиняемый Вайсберг. Я требую, чтобы Вы решили, согласны Вы капитулировать или нет.

— Я не понимаю смысла этого вопроса.

— Вы согласны прекратить дальнейшую борьбу против советской власти?

— Я никогда не вел никакой борьбы против советской власти...

...После обеда я пошел в институт, чтобы поговорить с директором. Я застал Лейпунского в его рабочем кабинете.

— Александр Ильич, я решил оставить свою работу в институте. В конце февраля я хочу уволиться.

— Сможете ли Вы за месяц привести дела в порядок, чтобы Комаров смог продолжать их без ущерба для работы?

— Я все сделаю для этого. Месяц—большой срок. Если мы будем вместе ежедневно обсуждать все вопросы, то Комаров сам по себе вратет в это дело. Я постараюсь обеспечить строительство и монтаж материалами, машинами и приборами, так что завершение работы не будет таким уж трудным делом.

— Жалко, что Вас не будет при пуске, Алекс. Я знаю, как всем сердцем Вы приросли к этой работе. Здесь каждый знает, что это Ваше кровное дело.

— У меня нет выбора, Саша.

— Я понимаю Вас, Алекс. Мне жаль, что все так случилось. Принесите мне заявление об увольнении, я издам приказ.

Он поднялся и протянул мне руку. Я хотел спросить его, говорил ли он с Мазо, но сдержался. Ведь он знал, как я беспокоился и ждал решения, и если он молчал, то на это у него были свои причины. Он тоже не спросил меня о последнем допросе.

— Будь здоров, Саша!

Я ушел.

В последующие недели я все подготовил к отъезду. Я не знал, отпустят ли они меня, и хотел успокоиться, прежде чем обращаться с этим вопросом к ГПУ. Без согласия этих людей, целую неделю предъявлявших мне дичайшие обвинения, я не мог покинуть страну... Я должен был учитывать и другую вероятность: они могли меня арестовать, несмотря на вмешательство Лейпунского и Мазо, я хотел подготовиться и на этот случай...

В это время я несколько раз пытался застать Лейпунского, но он постоянно был занят. Мне хотелось узнать у него, что решил Мазо. У меня было чувство, что он избегает меня. В конце концов я решил прямо спросить об этом. Я встретил его в лаборатории:

— Александр Ильич, я очень хотел бы поговорить с Вами, но не здесь.

— Приходите через полчаса ко мне в директорскую.

У него был Шубников.

— Погодите немного, Алекс, мы сейчас кончим.

Когда Шубников ушел, я сел за письменный стол напротив Лейпунского.

— Александр Ильич, у меня такое впечатление, что Вы в последнее время избегаете меня. Я могу это понять, но есть вещи, которые я должен обсудить с Вами.

— Но, Алекс, что за чепуху Вы говорите! Даже при желании я не смог бы отмежеваться от Вас. Мы слишком долго работали вместе и это известно каждому. Ваше дело — это и мое дело. Я был бы должен помогать Вам, даже если бы и не хотел, но я хочу это сделать, и, думаю, будет правильно, если я помогу Вам.

— Вы обещали мне поговорить с Мазо. Прошло уже почти две недели. Вы говорили с ним?

— Да, но пока я не могу ничего сказать Вам об этом. Думаю, через день — два мы сможем поговорить. Принесите мне, пожалуйста, Ваше заявление об увольнении, я должен до 15-го объявить о нем.

На следующее утро я принес заявление. Он прочитал его и сказал:

— Алекс, обычно человеку, который сделал так много, как Вы, в приказе об увольнении выражается благодарность по институту. В Вашем случае, учитывая происшедшее, мне в моем официальном положении трудно будет сделать это. Но мне не хотелось бы огорчать Вас, Алекс, и поэтому будет лучше, если я спрошу Вас, нужна ли Вам благодарность института в приказе?

Я хотел сразу же отказаться, чтобы облегчить ему положение, но затем передумал и попросил дать мне время подумать. Мне хотелось обсудить это с Марселем и Руэманом ¹⁵⁾.

После обеда я снова пришел:

— Александр Ильич, если Вас не очень затруднит, я хотел бы получить благодарность. В моем случае от этого многое зависит.

Лейпунский обратился ко мне:

— Для чего Вам это нужно, Алекс? — спросил он задумчиво.

— Посмотрите, Александр Ильич, я покидаю Советский Союз, но не оставляю революционное движение. Несмотря на то, что мне пришлось пережить здесь, я хочу за границей вновь вступить в партию. Мне будет очень трудно жить вне революционного рабочего движения. Семь лет, проведенные здесь, — это перерыв в моем партийном стаже. Приказ по институту, положительная оценка моей деятельности в Советском Союзе поставит меня в надлежащее положение в партии. Мне ведь это тоже тяжело. Отъезд из Советского Союза без официального отзыва партией и Коминтерном выглядит как побег. А, собственно говоря, разве это не побег, Александр Ильич?

— Вы правы, Алекс, я должен все трудности взять на себя. Было бы

неправильно отказать Вам в том, на что Вы имеете полное право. Я посмотрю, что можно будет сделать.

Он взял заявление и мы расстались.

15 февраля Лейпунский прислал мне приказ об увольнении. Он состоял из двух частей. В первой, очень лаконичной, сообщалось, что в связи с моим заявлением директор с 1 марта освобождал меня от всех моих обязанностей. Во второй части Лейпунский очень тепло вспомнил о моих заслугах перед институтом и промышленностью. Документ заканчивался словами: «Я выражаю ему благодарность от своего имени и от имени института». Мои друзья были поражены формулировкой этого документа. Даже я не ожидал от Лейпунского такого мужества. Он ведь знал о моем опасном положении до мельчайших подробностей. Лейпунский был не только порядочным, но и умным человеком. Приказ не был вывешен в институте, а остался только в канцелярии. Я получил нотариально заверенную копию. В бухгалтерию, которая в связи с приказом о моем увольнении должна была рассчитать меня, пошла копия, содержащая только первую часть приказа.

Таким образом, я получил то, что мне было нужно для Коминтерна и Австрийской партии, не вынудив Лейпунского опубликовать приказ и вызвать подозрение ГПУ.

17 февраля 1937 г. внезапно умер Орджоникидзе¹⁶⁾. Это было ударом для всех нас. Было такое чувство, будто мы потеряли защитника народа от тирана. В Народном комиссариате тяжелой промышленности почти все любили наркома Орджоникидзе. Большинство называло его «Серго» — псевдонимом, который он носил в годы подпольной работы на Кавказе. Ценили его энергию, любили за прямоту и искренность, за доброту. Чувствовалось, что пока Серго в Политбюро и руководит тяжелой промышленностью, с нами ничего слишком уж плохого произойти не может, что он всегда в курсе дел и сможет нас защитить. На траурном митинге памяти Орджоникидзе, 18 февраля, я подсел к Лейпунскому. Мы разговаривали вполголоса:

— С тех пор вызывали Вас те люди, Алекс?

— Нет.

— Думаю, это конец. Вы сможете уехать.

— Что Вам сказал Мазо?

— Сказал, что это мелочь. Нет оснований для беспокойства. Вы сможете уехать.

— Это правда? Вы официально уполномочены сообщить мне об этом, как о решении органов?

— Вы задаете слишком много вопросов. Еще не все ясно. Но я думаю, что это пустяки.

Запели траурный марш «Вы жертвою пали...» Мы прервали разговор и встали.

Короткий разговор с Лейпунским вновь пробудил во мне надежду. Я знал, как он осторожен. Если он считает дело пустяком, то, очевидно, Мазо его заверил, что моя история окончится благополучно¹⁷⁾. Я использовал оставшиеся три недели (хотел уехать 6 марта), чтобы подготовиться к отъезду...

Известие о моем предстоящем отъезде распространилось по институту. Мне нужно было сделать много прощальных визитов и приемов. Только ближайшим коллегам я дал понять, что мой отъезд недоброволен. Фриц Ланге был единственным, кто попытался уговорить меня остаться¹⁸⁾.

— Я понимаю, Алекс, что здесь, в Харькове, Вы не хотите или не можете остаться. Ну поезжайте хотя бы на Дальний Восток или в Сибирь. В Сибири такие люди нужны как свежий хлеб. Там оценят Вашу инициативу и защитят от всякого преследования.

Я смеялся над его наивностью. Он не имел никакого представления о всепроникающем характере этих органов...

Теперь, когда я пишу эти строки, должен признать, что Ланге был прав. Многие смогли избежать преследования и ареста, просто переехав на Дальний Восток или в Заполярье... Как к правильному выводу пришел Фриц Ланге, мне непонятно.

Фриц Ланге приехал в Советский Союз лишь полтора года назад... Это был крупный инженер. Одним из первых он начал заниматься созданием ускорительных трубок, предназначенных для расщепления ядра. С одним из своих друзей он поднялся на Монблан, чтобы там с помощью змея поймать молнию и отвести ее в свою экспериментальную трубку. Таким путем Ланге надеялся получить напряжение более 100 миллионов вольт, недостижимое на наземных установках, чтобы использовать его для расщепления ядра. Позже он работал в Берлине в лаборатории АЕГ, строил генераторы на сверхвысокие напряжения, и все время совершенствовал технику для исследований атома. У него было много идей, и он превосходил наших физиков-экспериментаторов тем, что умел заставить машины служить своим идеям...

После захвата Гитлером власти Ланге покинул Германию. Недолго побыв в Англии, он переехал в Советский Союз. (Фрицу Хоутермансу и Лейпунскому, которые в то время были в Англии, удалось его уговорить). И это было хорошим приобретением для Советского Союза. Ланге был не просто лоялен, он очень симпатизировал строительству социализма. Правительство страны не жалело средств на его работы. Академия наук взяла его под особую опеку. Мне очень нравился Ланге, и я часто беседовал с ним о технических и хозяйственных проблемах...

Когда я сообщил ему, что принял окончательное решение и 6 марта покидаю Советский Союз, он спросил, может ли он чем-либо мне помочь.

— Не знаю, чем, — ответил я.

— Чем Вы собираетесь заниматься за границей, Алекс? Куда Вы поедете?

— Откуда еду в Стокгольм и хочу там связаться со старыми друзьями в Англии и Америке.

— Есть ли у Вас деньги?

— Не очень много, но пока сойдет.

— Алекс, я могу дать Вам денег взаймы, у меня есть патенты в «Дженерал Электрик» в Нью-Йорке. Там один мой друг распоряжается ежегодными лицензионными отчислениями. Я напишу письмо, которое Вы ему передадите сами, и попрошу выдать любую названную Вами сумму.

— Очень мило с Вашей стороны, Ланге, что Вам хочется мне помочь...

Вечером он принес письмо для своего друга в США и чек в банк Ландсмана в Копенгагене.

— У меня есть несколько сот крон в Дании. Возьмите их на первое время.

Я взял чек.

Из-за границы в Москву приехал Виктор Вайскопф. Нильс Бор просил его и физика Георга Плачека сообщить о положении в советской науке и возможности размещения в Советском Союзе многих видных немецких физиков, вынужденных эмигрировать из-за прихода к власти фашизма¹⁹⁾. Я встречал Вайскопфа и Плачека в Москве. Теперь Вайскопф на несколько дней приехал ко мне. На прощание я попросил его отнести одной моей знакомой в Стокгольме букетик цветов и передать, что я приеду 7 марта. В эти дни мое настроение поднялось. Я упаковал вещи, книги, лишнее раздал друзьям...

Просьбу о выездной визе я решил подать 2 марта, указав дату отъезда — 6 марта, чтобы ускорить решение этого вопроса. Собственно, я больше

не сомневался, что меня отпустят. В институте я уже считал себя чужим, русские товарищи думали так же...

Вечером 1 марта я сидел у Мартина Руэмана и беседовал с ним и его женой... Зазвонил телефон, и Мартин поднял трубку:

— Алекс, это Вас.

— Меня?

Я удивился, что мне звонят в такое время на квартиру Мартина. Я взял трубку, незнакомый голос сказал:

— К Вам пришли по делу. Возвращайтесь домой.

Я положил трубку и обернулся к обоим:

— Они все-таки меня арестовывают. ГПУ ждет меня на квартире. Всего хорошего...

Марсель открыл мне дверь. Бледный, как смерть, он, заикаясь, сказал одно слово: «НКВД».

Позади него в полутьме возникла фигура человека в форме. Он отодвинул Марселя в сторону и попросил меня пройти в комнату... Обыск квартиры длился около двух часов... Примерно в половине первого ночи сотрудники ГПУ закончили работу. Они упаковали все документы, мой паспорт, некоторые книги и бумаги, иностранные газеты и прочее. Составили об этом длинный протокол и попросили меня подписать его... Затем оба сотрудника ГПУ поднялись и попросили меня собрать вещи...

Я последовал к выходу за одним из офицеров, второй шел сзади. Мы вышли в свежую ночь. Как раз в это мгновение от института подошел Латышев, по-видимому, он задержался на работе²⁰. Насмерть испуганный, он устался на нас. Я подумал, что уже сегодня весь институт узнает о моем аресте...

[Из допроса]

— ...Александр Семенович, теперь мы перейдем к главе, которая, вероятно, не вызовет между нами разногласий. На этот раз мы не будем говорить о подпольной работе Вашей группы, а об открытом бунте против руководства института, против партии и правительства. Я надеюсь, что Вы не будете этого оспаривать.

— Извините гражданин следователь, я решительным образом отрицаю это. Если Вы имеете в виду нашу борьбу с Д., то это не было бунтом против правительства, а борьбой с вредителем, мешающим работе института...

... В марте 1931 г., когда я приехал, институт только начинал развиваться. Небольшими были администрация и партийный аппарат. Научная работа находилась в центре внимания. Политическими вопросами вообще не занимались, промышленными — очень мало. В беседах научных сотрудников и ученых царил свободный тон. Директор института был своим человеком и отношения с ним строились без бюрократических препон. Зачастую большинство физиков решило какой-либо вопрос иначе, чем ему хотелось бы, и Обреимов присоединялся к мнению большинства. Наибольший авторитет в институте имел Александр Ильич Лейпунский, заместитель директора, молодой коммунист и очень одаренный физик. У Обреимова, человека старой школы, были причуды, над которыми мы, молодые, весело подсмеивались. В конце концов Обреимов отошел на задний план, и руководство сосредоточилось в руках у Лейпунского.

Это был образец руководителя. При необходимости любой мог отыскать директора в лаборатории, и пока он возился с приборами, обсудить с ним проблему. У Лейпунского была теплая, сердечная манера разговаривать с людьми. Даже если он отказывал, человек не чувствовал себя обиженным,

Впрочем, он редко пользовался административными методами и предоставлял людям, которым доверял, полную свободу. Под его руководством институт за короткое время достиг истинного расцвета, он рос, так сказать, и вширь, и вглубь. Создавались новые отделы. Была построена гигантская высоковольтная установка, на которой должны были проводиться эксперименты по расщеплению ядра. В криогенной лаборатории были смонтированы установки по сжижению гелия для получения сверхнизких температур. Радиолоборатория работала над проблемами ультракоротких волн и беспроводной передачи энергии. Отдел теоретической физики, которым руководил Лев Давидович Ландау, был давно связан с ведущими теоретиками мира и организовал в 1934 г. в Харькове конференцию, в которой участвовали Нильс Бор, старейшина современной атомной физики, и другие зарубежные физики²¹). Институт развивался в обстановке полной свободы...

Процесс унификации всей советской жизни, который начался после завершения борьбы в партии и ликвидации оппозиции, до начала 1935 г. не коснулся института. УФТИ был островом свободы в море сталинской деспотии. Здесь не очень интересовались политикой, жили замкнуто в домах, расположенных на территории института, и мало общались с людьми вне его. Эта идиллия не могла долго продолжаться. И она прекратилась в тот день, когда руководство институтом принял Д...

Д. пришел в институт с желанием показать себя. Ему хотелось сделать институт советским. По его мнению, здесь было слишком много свободы, а у директора слишком мало власти. С этим нужно было покончить. Он соорудил себе новый кабинет и написал на двери: «Прием по понедельникам, средам и пятницам от 3 до 5 часов». Люди удивлялись такому бюрократизму и вообще перестали ходить к нему. Тем более, что почти все можно было сделать без директора, и поэтому на него не обращали внимания. Однажды он вызвал профессора Шубникова, начальника криогенной лаборатории, на определенное время перед обедом. Шубников... прождал приема целый час и ушел, передав через секретаря, что если директору что-либо нужно, он может разыскать его в лаборатории. С этого все и началось. Ведущих научных сотрудников и ученых Д. выводил из себя вереницей бестактностей. Он был незначительным человеком с узким кругозором и большими амбициями. Его противниками были ученые, знавшие себе цену. Д. кичился своим положением, физики УФТИ гордились своими достижениями. Он пытался насадить в научном институте тот военный стиль, который в последние годы сложился в отношениях между директорами советских предприятий и их подчиненными. Но в этом он не мог не потерпеть фиаско. Сотрудники УФТИ привыкли к свободе. Они с энтузиазмом выполняли свои обязанности..., но не были готовы терпеть угнетение со стороны ничтожного бюрократа. В науке Д. ничего не понимал, и это тоже не способствовало его авторитету. Он делал одну тактическую ошибку за другой... Иван Васильевич Обреимов в свободное время старался украсить территорию института, разбить сад и т. п. Садовник получал от него инструкции и все шло хорошо. Мы были благодарны Обреимову за то, что он превращал территорию института, похожую вначале на стройплощадку, в культурное место. Но и здесь Д. захотел проявить свою инициативу. Однажды он вызвал Обреимова и приказал ему дать отчет о планировке сада. Аудиенцию он закончил словами: «Пока я никого другого не найду, Вы будете отвечать за это». Я встретил Обреимова, когда он очень расстроенный шел от директора, и я вынужден был его успокаивать... Он [Д.] хотел настроить рядовых сотрудников института против научных руководителей лабораторий, и тем самым усилить свое влияние. Руководители лабораторий — одаренные ученые — были ему неудобны. Он хотел найти среди ассистентов института людей, которые в надежде быстро сделать

карьеру поддерживали бы его. Через голову начальника криогенной лаборатории профессора Шубникова он обратился к его аспиранту Р. и непосредственно ему поручил выполнение работы по секретному военному заказу. В институте военные работы всегда имели приоритет перед чисто научными. Вспомогательное производство института было небольшим, станков, верстаков, приборов, квалифицированных рабочих не хватало. Каждый начальник лаборатории должен был разумно планировать, чтобы справедливо распределить эти вспомогательные средства между работами по разным научным темам. Как только Р., не считаясь ни с чем, хотел заняться работой, ни о чем не ставя в известность руководителя лаборатории Шубникова, последний опротестовал это у директора и пояснил: «Я готов взять на себя соответствующую работу и сделать все, чтобы довести ее до конца как можно скорее, но я должен знать, о чем идет речь. Это невозможно, когда в моей лаборатории хозяйничает один из моих ассистентов, а я не знаю, что он делает и не могу проконтролировать работу». Именно такой протест хотел спровоцировать Д. Ему хотелось вынудить ведущих научных сотрудников сделать что-либо такое, что можно было бы расценить, как борьбу против проведения в институте военных работ. Он спровоцировал грубое поведение Р. по отношению к своему руководителю и поддерживал его в этом. Аналогично он поступал и в других лабораториях. Результатом этих интриг был полный застой в научно-исследовательской работе института.

Однажды Д. принял предложение одного очень посредственного сотрудника института провести исследование, якобы очень важное для обороны страны. Льва Давидовича Ландау, виднейшего теоретика Советского Союза, попросили высказать мнение об этой идее. Ландау рассчитал все теоретически и предсказал с абсолютной точностью отрицательный результат. Несмотря на это, Д. отдал приказ о проведении работы. Так как это стоило дорого, Ландау запротестовал. Но все было напрасно, Д. хотел показать, как он печется об обороне страны...

Ежедневно происходили какие-то новые события. Наконец, очередь дошла до меня. В институте я занимал независимое положение. Я руководил строительством Опытной станции глубокого охлаждения (ОСГО). Этот научно-технический комбинат создавался непосредственно для нужд промышленности. Стройплощадка находилась в 20 км от института. Как начальник строительства я формально подчинялся директору института, в действительности же мне приходили приказы непосредственно из Народного комиссариата тяжелой промышленности. У нас был отдельный бюджет. Лейпунский предоставил мне свободу действий. Иногда вечером за разговором я информировал его о продвижении работ. Порой он давал мне дружеский совет или, если какие-либо советские инстанции обходились с нами несправедливо, обращался в Центральный Комитет...

Когда пришел Д., я нанес ему визит вежливости и рассказал о назначении нового комбината, состоянии строительства и монтажных работ. Очень скоро дело дошло до конфликта. Трудно было получить станки. Я энергично пробивал в Москве вопрос о выделении нам восьми токарных и фрезерных станков и получил их... Он распорядился, чтобы я отдал станки институту. Это означало, что через несколько месяцев, когда мастерские Опытной станции начнут работать, я буду вынужден ехать за новыми станками в Москву, и еще не известно, получу ли я их вообще. Так как станки пока не использовались, меня обвинили в их простое. Я, естественно, возражал. Д. сослался на военные нужды, и мой протест ничего не дал... Вмешательство Д. в мою сферу деятельности следовало одно за другим. Каждое вмешательство ухудшало производительность труда, увеличивало административные расходы... Дела в институте шли все хуже и хуже. Наконец ведущие сотрудники ин-

ститута приняли решение прекратить дальнейший развал работы. Они собрались вместе и написали заявление в ЦК партии с просьбой отозвать Д. и вновь доверить руководство институтом Лейпунскому²²⁾. Лейпунский в то время работал в лаборатории лорда Резерфорда в Англии. ЦК и Комиссия партийного контроля, один из высших органов в Советском Союзе, занялись этим делом. Членом Комиссии, которому подчинялся сектор науки, был Модест Осипович Рубинштейн, человек с открытым характером и большой внутренней культуры. Он объездил почти все континенты, владел семью языками и принадлежал к тому типу русских марксистов, в которых счастливо соединялись лучшие традиции русской культуры с традициями Запада. Я поговорил с ним и объяснил обстановку в институте. Он обсудил эту историю с ответственным работником Центрального Комитета и рекомендовал поставить во главе института ученого. На этом конфликт в институте был практически разрешен. Но мы в УФТИ в течение многих месяцев ничего не знали о принятом в Москве решении. Борьба в институте продолжалась. Д. сопротивлялся. Он информировал Харьковский НКВД, что в институте якобы возник тайный заговор под руководством Ландау и Вайсберга для саботажа военных работ... Д. был убежден, что я, держась в тени, плету нити заговора против него. В действительности же Ландау и его друзья были намного самостоятельнее, чем это могло бы быть под моим руководством... Но тогда еще не решались трогать Ландау, всемирно известного ученого, или арестовать меня, иностранца... Они выискивали в нашей группе самого незащищенного человека. Им оказался молодой студент по фамилии Корец, работавший у Ландау²³⁾. Корец боготворил Ландау и с большим азартом участвовал в борьбе с Д....

Он, якобы, утаил свое социальное происхождение. Корец при поступлении в институт передал свою полную автобиографию комсомольской организации, в которую вступил, а вторую, краткую — в институт. В полной автобиографии он упомянул, что во время гражданской войны его мать, борясь с нуждой, недолго занималась торговлей. В действительности же она продавала на рынке картошку и яблоки, которые приносила на себе из деревни в Свердловск. На эти доходы одинокая женщина растила двоих детей. В краткой биографии, написанной для института, Корец опустил эту деталь. В конце концов, институт был административной, а не политической организацией. Д. пытался через Кореца добраться до нашей группы. Он передал дело в партком и Корец был исключен из комсомола как «классово чуждый элемент», скрывший свое буржуазное происхождение. Это не удовлетворило Д. Ему хотелось нас запугать. Позже, через несколько недель, Корец был арестован. Это действительно парализовало инициативу нашей группы. Ландау был единственным, кто не сломался. Мои друзья полагали, что теперь и я находился в очень опасном положении.

Через несколько дней после ареста на открытом общеинститутском собрании началась проработка Кореца. Один за другим поднимались сотрудники института и с глубоким негодованием говорили о тайном враге, шпионе, который прокрался в институт. Я долго колебался, идти или не идти на собрание. Комаров, который как старый коммунист хорошо знал настроения в партии и внутренне был на нашей стороне, уговорил меня пойти. Он сказал: «Алекс, если ты сегодня не пойдешь, то, возможно, тебя арестуют, или, в лучшем случае, вышлют из страны. Этот конфликт будет решаться не в Харькове, последнее слово скажет ЦК в Москве. Нет никакого смысла демонстративно не идти на собрание. ГПУ воспримет это, как провокацию. Д. только этого и ждет. Не доставляй ему удовольствия».

Я подчинился и пошел на собрание, при голосовании поднял руку за резолюцию, осуждающую Кореца. И теперь, когда я пишу эти строки, меня

жет чувство стыда. За все время моего членства в партии и пребывания в Советском Союзе я не совершил более злого поступка и осознаю это.

Арест Кореца поставил нашу группу фактически вне закона. Все ходили подавленные, никто не отважился сказать что-либо открыто. Д. ликовал. Но научная работа была парализована. Я сам информировал об этом высокие инстанции в Москве. Меня выслушивали, но ничего не говорили о том, какие меры предпринимаются. Так прошёл один, потом второй месяц. Д. набрался мужества и решил снять меня с должности. У меня были дела в Москве и я хотел туда поехать. Но Д. отказался отпустить меня, если я не пообещаю не обсуждать институтскую ситуацию с Пятаковым или с кем-либо из ответственных работников. Я отказался дать такое обещание и отказался от поездки, но позвонил в Москву и проинформировал об этом сотрудников Народного комиссариата. Неделей позже Д. назначил нового директора Опытной станции. Я продолжал свою работу. Однажды после обеда, когда я только что пришел со стройплощадки и отдышал, в мою комнату вошла сияющая теща: «Алекс, Вы знаете кто вернулся?!» Я ничего не знал. — «Корец». Его освободили этим утром по указанию из Москвы. Значит, он все-таки не был шпионом. В партийной организации кое-кто застыдился. Настроение повернулось против Д. ...Несколько месяцев спустя решением ЦК Д. был снят с должности. Лейпунский вернулся из Кембриджа и вновь был назначен директором. Я воспрянул и решил остаться в стране. Была осень 1935 года. Летом, когда я был за границей, я думал, несмотря ни на что, уехать из Советского Союза. Но теперь отказался от своего решения и позднее пожалел об этом...

[Из допроса]

— ...Посмотрим на Ваших друзей. Это все заклятые враги. Возьмите, например, Льва Давидовича Ландау. Это явный враг народа и троцкист. Я надеюсь, Вы не будете это оспаривать?

Я молчал...

Лев Давидович Ландау был очень сложной и интересной личностью, «ужасным ребенком» советской физики. В своих внешних проявлениях он всегда вел себя как Дон Кихот. Это был тип вечного юноши. При этом в Советском Союзе он являлся самым выдающимся физиком-теоретиком. У него не было никакого почтения к торжественным церемониям. В Академии наук сидели уважаемые, как выражался Ландау, «мужи с бородками», которым было далеко до него. Молодой, 27-летний Ландау был выше их всех на голову, но в Академию наук его не приняли²⁴. Он развлекался тем, что дразнил «мужей с бородками». Он владел своей специальностью в совершенстве, а уважаемые профессора были не очень уверены в себе.

Однажды, после доклада Иоффе, он сказал: «То, о чем рассказал Иоффе, очень интересно, но это не имеет ничего общего с опытом». Нас рассмешила его самоуверенность, но Ландау несколькими формулами доказал свою правоту.

Он всегда был готов шутить, гримасничал, как школьник, и дразнил всех, кто кичился званием и именем. Как-то советское правительство приняло решение о присуждении степеней ученым страны. В Москве была образована правительственная комиссия, в крупных провинциальных городах — местные комиссии, присуждавшие каждому ученому определенную степень. Наивысшей была степень доктора наук, затем ниже — старшего научного сотрудника (с. н. с.), младшего научного сотрудника (м. н. с.) и т. д. Наш институт, как ведущий в стране, имел право на присвоение званий. Комиссия под руководством директора долго обсуждала эти вопросы. Однажды,

это было 1 апреля 1935 г., на институтской доске был вывешен приказ директора, в котором перечислялось, кому из научных сотрудников и какая степень присвоена. Результаты были странными. Какой-то неизвестный ассистент стал доктором наук, крупный физик должен был довольствоваться степенью младшего научного сотрудника. «Пониженные в должности», кипя негодованием, бросились к директору. Директор же объяснил, что он понятия об этом не имеет. Выяснилось, что этот приказ секретарю института принес Ландау. Та, недолго думая, оформила и вывесила его. Ландау, узнав реакцию «мужей с бородками» на свою шутку, веселился как король.

Как-то ему пришла идея создать эротехнический институт.

— Не хотите ли стать секретарем института по эротехнике? — спросил он меня.

— Что это такое и почему именно я?

— В институте, Александр Семенович, Вы располагаете наиболее развитой эротехникой, ее необходимо поставить на службу обществу.

— Как Вы догадались, Лев Давидович?

— Видно по результатам.

— Видимость обманчива, я живу здесь как монах. А какие задачи Вы ставите перед новым институтом?

— Необходимо открыть законы сближения полов.

Затем он предложил определить стадии сближения мужчины и женщины: 1 — встреча, 4 — знакомство, 8 — прогулка, взявшись за руки, 13 — первый поцелуй, 20 — соединение.

— И это все? — спросил я.

— Конечно, Алекс.

— Сразу видно, что Вы новичок, Лев Давидович. Думаю, что с 20-го все только и начинается.

— Необходима также классификация объектов исследования, особенно женщин: 1 — женщина, существующая только в мечтах, от которой невозможно оторвать глаз, если ее встречаешь в жизни; 5 — что-то, мимо чего можно пройти; между ними — все оттенки.

Я не принял его предложения.

Он всегда находил время для таких глупостей. Никто не видел, когда он работал, и тем не менее, в этот период им были созданы самые значительные работы, которые, казалось, давались ему легче, чем всем нам чтение литературы.

Лучшим в характере Ландау было то, что он не переносил лжи и лицемерия. Ложь, где бы он с ней не сталкивался, вызывала у него язвительную насмешку. Было ясно, что такая высота духа непременно должна вступить в противоречие с царящей диктатурой. Ландау был мужественным человеком, он высказывал свое мнение о таком, что у других вызывало смертельный испуг. Только научный авторитет защищал его до сих пор от ГПУ...

[Из допроса]

— ... Гражданин следователь, я не знаю, что Вы хотите от меня. Ландау столь примечательная фигура, что Вы наверняка знаете любые подробности о нем лучше, чем я. Зачем же Вы требуете от меня давать ему характеристику?

— Мы хотим заставить Вас признаться, все Ваши друзья — враги народа.

— Если Ландау — враг народа, то почему не арестовываете его?

— Пока его защищает мировая известность, но ненадолго.

— Ландау никогда не был моим личным другом, хотя я очень охотно беседовал с ним...

— А теперь мы перейдем к главарю всей банды — Александру Ильичу Лейпунскому. Нам не ясна только одна деталь — Вы завербовали Лейпунского, или он Вас?

— Завербовали куда?

— Это-то ясно — в контрреволюционную бухаринскую организацию,

— Ни он меня, ни я его. Но если дело и дальше так пойдет, то окажется, что в институте — одни враги. Ландау — знаменитейший физик Советского Союза — враг. Александр Ильич Лейпунский, молодой коммунист, сын рабочего, уважаемый партией и уважающий партию, лучший представитель новой советской интеллигенции — для Вас враг. Кто же еще тогда хорош для Вас?... Вы действительно считаете Лейпунского врагом?

— Очень опасным.

— Почему же тогда он пользуется всеобщим уважением в стране, осыпан почестями, член Украинской Академии наук и так далее?

— Имеете ли Вы представление о том, сколько людей носили Ордена Ленина до того, как они были разоблачены нами как враги? ... Не каждого мы сразу арестовываем. Мы наблюдаем, чтобы одним махом схватить всю сеть организации. Так же мы выжидаем и в случае с Лейпунским.

— Гражданин следовательно, возможно Ваша тактика правильна, но она может ввести в заблуждение государственные органы власти. Как же Вы можете заставлять меня разоблачать двойное лицо Лейпунского?

— Вы были сообщником Лейпунского, его правой рукой или даже его хозяином, нам пока не совсем ясно, как распределялись роли... Кто Вас познакомил с Бухариным и при каких обстоятельствах?

— Меня представил Бухарину Лейпунский. Это было летом 1931 г. Мы пошли к Бухарину, чтобы получить разрешение на создание физического журнала Советского Союза.

Я приехал в Советский Союз весной 1931 г. Тогда работы русских физиков печатались, в основном, в иностранных журналах, в первую очередь — в немецком журнале «Zeitschrift für Physik». Центрального печатного органа русской физики, издававшегося на каком-либо иностранном языке, не было. Советские физики не хотели печатать статьи на русском языке, так как это изолировало их от европейской и американской научной жизни. Нужно учесть, что физики всего мира — это одна семья, и что прогресс достигается в результате интенсивного обмена мнениями. В Ленинграде, Пасадене, Кембридже, Берлине люди работают над одинаковыми проблемами. Каждая, даже небольшая находка, которую где-либо в мире делает физик-экспериментатор, становится после публикации его работы общим достоянием. Физики всего мира читали на немецком и английском языках, многие — и на французском, русского языка никто не знал. Поэтому советские физики публиковали свои работы в английских и немецких журналах.

Я предложил создать в Харькове центральный журнал русской физики, который выходил бы на немецком и английском языках. Мои друзья в институте поддержали это предложение. Вместе с Лейпунским я должен был изложить суть дела в Центральном Комитете в Москве. Прошло всего несколько недель после моего приезда в Россию, и я не знал по-русски ни слова. Бухарин принял нас очень приветливо. Александр Ильич рассказал ему о нашем деле. Тогда Бухарин обратился ко мне и заговорил по-русски. Только после того, как Лейпунский обратил его внимание на мое незнание русского, он перешел на английский, а затем на немецкий... В то время он был руководителем научного сектора Народного комиссариата тяжелой промышленности...

После нескольких слов он согласился с моим планом, сел за письменный

стол, написал от руки письмо в ЦК партии и передал его Лейпунскому. Спустя две недели Центральный Комитет поручил нашему институту издание журнала. Я стал его редактором.

Позже я встречал Бухарина в Наркомате еще несколько раз. Он всегда охотно помогал нашему институту...

[Из разговора в камере]

— ...Мы самая дорогая рабочая сила... Крепостные не были профессорами университетов, как люди, которых теперь посылают на Север. Посмотри на наш институт. Прошло два десятилетия, прежде чем Советское правительство при большой затрате сил и средств смогло подготовить плеяду крупных физиков. Что должен делать Шубников на строительстве канала? Он — лучший в стране физик по глубокому охлаждению. Развитие азотной промышленности, в частности, зависит от работ и его лаборатории. Вы арестовали Обреимова, нашего прежнего директора. Он старый человек и он наверняка не умеет и не в силах работать лопатой, но он хороший специалист по кристаллофизике. Представляешь ли ты, как дорого обойдутся стране такие землекопы, как Обреимов и Шубников? А что будет с институтом? Он будет продолжать работать, проглотит массу денег, но давать он ничего не будет.

Тут вмешался Македон²⁵⁾:

— Вы всегда думаете, что Вы незаменимы. Все директора фабрик посажены в тюрьму, все главные инженеры, все руководители отделов. Другие встали на их место. И все-таки трактора производятся, так же как автомобили и сталь. Я ничего не могу добавить. Дела идут без вас.

— Македон, научный институт не фабрика. Если хорошего инженера заменяют плохим, то увеличивается брак, качество падает. Трактор работает три года вместо пяти, но сначала это незаметно. Если ты арестуешь в нашем институте восемь ведущих ученых, то можешь его закрывать. Замены у тебя нет...

В мае мы еще раз вернулись к этой теме. Один человек, который пришел из внутренней тюрьмы, сообщил мне об аресте Лейпунского. Следовательно, мое сопротивление год тому назад оказалось напрасным. Как я боролся с Резниковым, который хотел заставить меня оговорить Лейпунского²⁶⁾! С тех пор я часто получал известия из института. Последний раз 15 января 1938 г. через Николаевского²⁷⁾... На обратном пути от Вайсбанда перед переводом в Холодную гору я вынужден был ждать вместе с двумя дюжинами других заключенных²⁸⁾. Среди них я узнал Николаевского. Недолго он был в институте нашим партийным секретарем... Николаевский рассказал мне: «Лейпунский исключен из партии. Он уже не директор, но не арестован. Шубников, Горский, Обреимов, Розенкевич, Комаров, Гусак арестованы²⁹⁾. Удивительно, что Ланге пока на свободе, хотя он немец».

В феврале я получил известие об аресте Хоутерманса. Мартин Руэман был фактически выдворен из страны. НКВД принудило институт расторгнуть с ним контракт. Арестовывать его они не хотели — он был английским подданным. Однажды они уже арестовали трех английских инженеров. Британское правительство ответило на это разрывом торговых отношений... Английские инженеры были освобождены, торговые связи возобновились. За Хоутерманса некому было заступиться. Он был немецким коммунистом. После захвата власти Гитлером он покинул Германию и работал в Англии. Оттуда в 1935 г. Лейпунский пригласил его в наш институт. После его ареста иностранцам в институте стало трудно дышать. Хоутерманс заранее начал готовиться к отъезду из Советского Союза. Но он потратил на это слишком

много времени. В начале 1938 г. он получил визу на выезд и поехал вместе с женой и двумя детьми в Москву. Там он должен был заплатить таможенную пошлину за багаж. Таможня медлила. Ежедневно он ходил туда, но формальности все тянулись. Когда на четвертый день он начал настаивать, таможенник попросил его зайти в кабинет директора. Там ждали два сотрудника ГПУ. Его доставили во внутреннюю тюрьму Харьковского НКВД. У меня мороз прошел по коже. Как он вынесет трудности следствия и тюрьму? Это был слабый человек, очень нервный и очень впечатлительный. Он был закоренелый курильщик, во время работы курил одну сигарету за другой... Он не мог жить без кофе. Как-то Лейпунский и он проводили важные эксперименты, в которых использовалась эманация радия. В Харькове эманацию достать было нельзя. Каждый вторник ее присылали специальным самолетом из Ленинграда. Эманация радия распадается очень быстро, через два дня остается лишь половина. Чтобы использовать дорогой газ, Лейпунский и Хоутерманс работали, не прерываясь, двое суток. Хоутерманс поддерживал бодрость кофе... Через людей, которые шли в тюрьму, я старался передать ему сигареты. Но как я узнал позже, встретившись с ним в 1948 г., они не доходили до него.

В мае 1938 г. взяли, наконец, Лейпунского. Позже мне удалось узнать все подробности. Его арестовали, когда он как раз вернулся после длительной поездки, как я полагаю, в Крым. Загорелый, свежий и помолодевший, он всю камеру заразил своей бодростью и спокойствием. С собой у него был большой мешок с сухарями. Людям, которые пришли за ним, он сказал: «Я вас долго ждал, что-то вы задержались».

Несмотря на скромность, он вскоре стал главным в камере. Как и на свободе, он привлекал к себе сердца людей. Ежедневно, в течение двух часов, вся камера, не дыша, слушала его лекции по физике.

В мае я подвел итоги работы ГПУ в деле Украинского физико-технического института. Когда разговор, уже в который раз, коснулся теории использования рабочей силы, я изложил эти итоги перед сокамерниками:

— Послушайте, наш институт — один из самых значительных в Европе. Возможно даже, что в Европе нет института, столь же хорошо оснащенного и имеющего так много различных лабораторий, как наш. Правительство не пожалело денег. Ведущие ученые частично получили образование за границей. Долгое время их посылали за государственный счет к знаменитейшим физикам мира для продолжения образования. В нашем институте 8 отделов, во главе их стояли 8 научных руководителей. Как все это выглядит теперь?

Лаборатория кристаллов... Руководитель Обреимов — арестован.

1-я криогенная лаборатория... Руководитель Шубников арестован.

2-я криогенная лаборатория... Руководитель Руэман выдворен из страны.

Ядерная лаборатория... Руководитель Лейпунский арестован ³⁰⁾.

Рентгеновский отдел ... Руководитель Горский арестован.

Отдел теоретической физики... Руководитель Ландау арестован ³¹⁾.

Опытная станция глубокого охлаждения... Руководитель Вайсберг арестован.

Лаборатория ультракоротких волн... Руководитель Слуцкий пока работает ³²⁾ ...

Опубликовано: Von Alexander Weissberg — Cybulski. Hexensabbat. Russland im Schmelzetiegel der Sauberungen. Frankfurt am Main: «Frankfurter Hefte», 1951.— S. IV—V, 25—27, 29, 34, 40, 65—68, 72—80, 89, 96—98, 115—118, 120—125, 127—129, 257—262, 265—274, 291, 525—529.

Перевод с немецкого С. А. Маева, Г. Е. Миловановой.

¹⁾ Помимо вступительной статьи А. Кёстлера в предисловии к книге опубликованы письмо и телеграммы Сталину и Вышинскому от нобелевских лауреатов А. Эйнштейна, И. и Ф. Жолио-Кюри, Ж. Перрена в защиту А. Вайсберга и Ф. Хоутерманса.

²⁾ Вайсберг Александр (Алекс, Александр Семенович) (р. 1901) — физик, с 1927 — член Коммунистической партии Австрии. Работал в Высшей технической школе в Берлине, в 1931—1937 — в УФТИ, в 1937—1940 находился в заключении, в 1940—1945 — в концлагерях и тюрьмах на территории Польши, в Краковском гетто, участник польского Сопротивления. В 1946 уехал в Швецию.

³⁾ Э.— жена Вайсберга Эва.

⁴⁾ Ландау Лев Давидович (1908—1968) — физик-теоретик, академик АН СССР; работы по общим проблемам квантовой механики и электродинамике, физике конденсированного состояния, физике элементарных частиц. В 1932—1937 работал в УФТИ, начальник теоретического отдела.

⁵⁾ Шубников Лев Васильевич (1901—1945 (?)) — физик; работы по физике кристаллов и низких температур. В 1931—1937 работал в УФТИ, руководитель криогенной лаборатории. Арестован в 1937 г.

⁶⁾ Руэман Мартин (?) — физик, работал в Физическом институте в Штутгарте, в 1932—1938 — в УФТИ, заведующий криогенной лабораторией. В 1938 вернулся в Англию, работал в Манчестере.

⁷⁾ Кёстлер Артур (1905—1983) — английский писатель, философ, биолог. В 30-е годы — корреспондент «Ньюс Кроникл»; антифашист, член Коммунистической партии. В 1936—1938 гг. разошелся с коммунистами, осуждал Сталина, не принимал его политику (см. роман А. Кёстлера «Слепящая тьма» — Нева. 1988, № 7, 8). В 40—50-е годы — сторонник холодной войны, затем отходит от политики.

⁸⁾ Как пишет А. Кёстлер, жена Вайсберга была арестована в апреле 1936 г., освобождена в середине 1937 г. Ее обвинили в том, что она якобы наносила на разбросанные ею образцы чашек свастик, занималась их контрабандой и хранила два пистолета, чтобы на съезде партии убить Сталина. После освобождения выехала за границу (А. Weissberg. *Hexensabbat... S. V*).

⁹⁾ Хоутерманс Фридрих Георг (1903—1966) — физик; работы по ядерной физике, физике высоких энергии, ядерной геологии. В 1933—1934 — работал в Англии, в 1935—1938 — в ядерной лаборатории УФТИ, в 1938—1940 (?) был арестован, выслан из СССР. С 1940 работал в Шарлоттенбурге, Геттингенском и Бернском университетах.

¹⁰⁾ Конфликт в институте действительно имел место, но так как не удалось установить, насколько обоснованы подозрения и предположения А. Вайсберга о причастности Д. и других сотрудников института к событиям 1937 г., мы не сочли возможным указывать их фамилии полностью. Д. в 1937 г. был арестован.

¹¹⁾ Ленинградский физико-технический институт.

¹²⁾ Обреимов Иван Васильевич (1894—1981) — физик, академик АН СССР. Работы по физике кристаллов, молекулярной спектроскопии, органической оптике, оплотехнике. В 1929—1941 работал в УФТИ (1929—1931 — директор), руководитель лаборатории кристаллов. Арестован в 1937 г.

¹³⁾ В 1934 г. ОГПУ было преобразовано в Наркомат внутренних дел СССР, объединивший несколько организаций. А. Вайсберг путает два эти ведомства.

¹⁴⁾ Комаров Петр Николаевич, аспирант УФТИ, работал на Опытной станции глубокого охлаждения. Арестован в 1937 г.

¹⁵⁾ Марсель — сосед А. Вайсберга по квартире.

¹⁶⁾ А. Вайсберг ошибается, Г. Орджоникидзе умер 18 февраля 1937 г., 19 февраля было опубликовано правительственное сообщение о его смерти.

¹⁷⁾ Мазо — начальник Харьковского управления НКВД. Как пишет А. Вайсберг, в тюрьме от арестованного чекиста он узнал, что в феврале 1937 г. Мазо был вызван в Киев, вернувшись, он покончил с собой. В письмах, написанных перед смертью, он объяснил свое решение тем, что «... в революцию он боролся не за то, чтобы своим именем прикрывать вопиющий обман и массовые убийства». А. Вайсберг считает, что отъезд пометал Мазо помочь ему (А. Weissberg. *Hexensabbat... S. 405—406*).

¹⁸⁾ Ланге Фриц (р. 1899— (?)) — физик. Работал в Физическом институте Берлинского университета. Совместно с А. Брашем и К. Урбаном изучал возможности использования грозового электричества для питания вакуумных трубок с целью получения высоких напряжений, необходимых для расщепления ядра. Работы проводились в 1927—1931 гг. в Швейцарских Альпах близ г. Лугано. В 1927 г. от удара молнии погиб К. Урбан. В 1930 г. Ланге и Брашу удалось создать трубку, которая могла работать при напряжении генератора 2,4 МВ. С 1935 г. (?) Ф. Ланге работал в Харькове в Лаборатории ударных напряжений (ЛУН), созданной при УФТИ и работавшей над оборонной тематикой.

¹⁹⁾ Вайскопф Виктор Фредерик (р. 1908) — американский физик-теоретик; работы по физике элементарных частиц, квантовой механике и ядерной физике. В 1932—1937 работал в Копенгагенском университете, Цюрихском политехникуме.

Плачек Георг (1905—1955) — физик-теоретик; работы по молекулярной и нейтронной физике. В 1932—1938 работал в Институте теоретической физики в Копенгагене.

²⁰⁾ Латышев Георгий Дмитриевич (1907—1973) — физик, академик АН Казахской ССР; работы по ядерной физике. В 1930—1941 работал в УФТИ.

²¹⁾ речь идет о Всесоюзной конференции по теоретической физике, проходившей в Харькове 1—22 мая 1934 г. По приглашению Л. Д. Ландау Н. Бор участвовал в этой конференции и выступил с докладом «Проблемы причинности в атомной физике».

²²⁾ По свидетельству О. Н. Трапезниковой Л. Д. Ландау, Л. В. Шубников и др. действительно написали коллективное заявление в ЦК с просьбой заменить директора института.

²³⁾ А. Вайсберг ошибается, М. А. Корец был в это время научным сотрудником отдела Ландау.

Корец Моисей Абрамович (1908—1984) — физик-теоретик. В 1932—1934 работал в Уральском ФТИ, в 1935—1937 — в УФТИ, затем — в Московском пединституте. В 1938 г. был арестован и пробыл в лагерях до 1952 г. После реабилитации работал в Москве в редакции журнала «Природа». Факт ареста М. А. Кореца в Харькове подтверждает О. Н. Трапезникова.

²⁴⁾ Л. Д. Ландау избран академиком АН СССР в 1946 г.

²⁵⁾ Македон Григорий — около года был в одной камере с А. Вайсбергом. Вайсберг относит его к троцкистам (А. Weissberg; Hexensabbat... S. 414—415).

²⁶⁾ Резников — лейтенант, следователь Харьковского управления НКВД.

²⁷⁾ Николаевский — по воспоминаниям сотрудников УФТИ работал в одном из административных отделов института. Арестован в 1937 г.

²⁸⁾ Вейсбанд — следователь Харьковского управления НКВД. Холодная гора — название тюрьмы в районе Холодная гора в г. Харькове.

²⁹⁾ Горский Валим Сергеевич (1903—1938) — физик. Работал в ЛФТИ, в 1929—1937 — в лаборатории кристаллов УФТИ. Арестован в 1937 г.

Розенкевич Лев Викторович (?— 1937) — физик. Работал в ЛФТИ, в 1929—1937 — в теоретическом отделе УФТИ. Арестован в 1937 г.

Гусак Иван Максимович (?) — аспирант УФТИ, работал на Опытной станции глубокого охлаждения. Арестован в 1937 г.

³⁰⁾ По свидетельству О. Д. Казачковского А. И. Лейпунский рассказывал, что вскоре после ареста его «как особо важного государственного преступника» на специальном самолете отправили в Москву. Свое освобождение он связывал со сменой наркомов НКВД, когда, чтобы подчеркнуть ошибки предыдущего руководства, были освобождены некоторые из заключенных.

³¹⁾ Л. Д. Ландау работал в УФТИ до марта 1937 г. По свидетельству О. Н. Трапезниковой ей удалось предупредить его об арестах и Ландау смог скрыться и уехать. По версии А. Ливановой П. Л. Капица, опасаясь за судьбу Ландау, пригласил его в Москву в Институт физических проблем (см. Огонек. 1988, № 3. С. 14). Л. Д. Ландау был арестован в Москве 28 апреля 1938 г., освобожден по ходатайству и под поручительство П. Л. Капицы 26 апреля 1939 г.

³²⁾ Слуцкий Абрам Александрович (1889—1950) — радиофизик, академик АН УССР. С 1930 работал в УФТИ (ХФТИ). Работы в области электромагнитных колебаний, сверхвысокочастотной электроники.